

Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.С. Тургенева

Несмотря на большое количество работ, посвященных стилю И.С. Тургенева, язык его произведений изучен недостаточно глубоко и полно. В статье рассматриваются экспрессивные деривационные средства, которые используются в текстах произведений писателя. Цель работы – определение типов и функций словообразовательных единиц в прозе И.С. Тургенева. Выделяются индивидуально-авторские новообразования, анализируется их словообразовательная структура и связь со структурой повествования, особое внимание при этом уделено сложным прилагательным и наречиям, которые выступают в функции эпитета. Эти слова преимущественно называют оттенки цвета или характеризуют внешность и внутреннее состояние персонажа. Как экспрессивное словообразовательное средство, характерное для идиостиля Тургенева, рассматривается морфемный повтор (корневой и аффиксальный), определяются его функции и связь с образной системой текста. Отмечается, что наиболее часто в произведениях Тургенева используется повтор слов с компонентом *полу-*. Делается вывод, что экспрессивные словообразовательные средства могут рассматриваться как один из параметров описания идиостиля Тургенева.

Ключевые слова: *новообразования; неологизм; морфемный повтор; словообразование; ритм; сложение; сращение; экспрессия.*

Nataliya A. Nikolina

Expressive Derivational Means in I.S. Turgenev's Prose.

Despite lots of works on I.S. Turgenev's style the language of his prose is not enough studied. The article deals with used in his works expressive derivational means. This article purpose is to define types and functions of derivational units in the prose by I.S. Turgenev. It is defined authorial innovations, analyzed their derivational structure and the link with the narration structure. The main attention is paid to compound adjectives and adverbs that function as epithets. These words generally name colours and characterize the exterior and inner world of characters. The morphemic repeat (root and affixal) is considered as expressive derivational means peculiar to Turgenev's individual style. It is defined its functions and the connection with the set of images of the text. It's marked that the repeat of words with the component *polu-* is used very often. The author concludes that the expressive derivational means can be considered as one of the specification of Turgenev's individual style.

Key words: *innovations; neologizm; morphemic repeat; derivation; rhythm; composition; fusion; expression.*

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Институт филологии

E-mail: admin@riash.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Николина Н.А. Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.С. Тургенева // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 32–36. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-32-36.

За Тургеневым уже давно утвердилась «З слава... мастера пластических образов и четко выверенных, соразмерных, “прозрачных” композиций» [Топоров 1998: 8]. Пластичность образов писателя во многом определяется его последовательным обращением к экспрессивным словообразовательным средствам. Они могут рассматриваться не только как значимый фактор связности текста, но и как один из параметров описания идиостиля. При этом необходимо учитывать степень обращения писателя к словотворчеству, типы новообразований, которые он использует, характер

художественных приемов, основанных на употреблении словообразовательных средств, и их роль в тексте.

Тургенев не относится к писателям, для стили которых характерно словотворчество. В отличие от Н.С. Лескова, например, он избегает образований, связанных с нарушением закономерностей русской словообразовательной системы. Тем не менее в текстах Тургенева встречаются отдельные новообразования, которые, как правило, созданы по продуктивным моделям, например:

Между обоими молодыми людьми с некоторых пор установилось какое-то *лжеразвязное* подтрунивание... («Отцы и дети»);

Вечно без гроша и вечно от чего-нибудь в восторге, Ростислав Бамбаев шлялся с криком, но без цели, по лицу нашей *многосносной* матушки земли. («Дым»).

Особенностью новообразований Тургенева является характер их употребления в повествовательной структуре произведений: собственно словообразовательные инновации используются преимущественно не в речи повествователя — они закреплены за речью персонажа и служат ее приметой. Так, в романе «Накануне» в реплике Шубина появляется слово *сочувственник*, новизна которого подчеркивается в авторской речи:

— ...Если ты не сочувствуешь...

— Эх, ты, сочувственник! — брякнул Шубин и сам засмеялся *новоизобретенному* слову...

В романе «Дворянское гнездо» новообразования включены в реплики Михалевича. Это сложное абстрактное существительное с префиксоидом *сам(о)-* — *самонаслаждение* и префиксально-суффиксально-постфиксальный глагол *обайбачиться*, ср.:

— Ты эгоист, вот что, — гремел он [Михалевич] час спустя, — ты желал *самонаслаждения*...

— Что такое *самонаслаждение*?;

...Ты байбак, и ты злостный байбак... И когда же, где же вздумали люди *обайбачиться*...

К речи персонажа отсылает и префиксально-суффиксальное новообразование *вприпрыжку*, которое в контексте соотносится со словом той же словообразовательной структуры — наречием *вприпрыжку*:

¹ Здесь и далее цитаты из произведений И.С. Тургенева приводятся по: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — М., 1981. — Т. 7.

...Паклин и пустился вперед, как он говорил, не вприпрыжку, а *вприхрамку*. («Новь»).

Некоторые новообразования восходят к распространенным в изображаемой среде прозвищам и названиям реалий. Например, в тексте повести «Клара Милич» слово *инсектонаблюдатель*, образованное сложением, комментируется как прозвище главного героя, данное ему приятелями:

Он даже слыл у них чернокнижником, даже прозвище получил *«инсектонаблюдателя»*.

В том же произведении в речи тетки героя — Платониды — употреблено сложно-суффиксальное образование *хвостовозка*, которое также сопровождается авторским метаязыковым комментарием:

— Ты, наверное, на этом утре встретил какую-нибудь из этих *хвостовозок*... (Платонида Ивановна называла так всех барынь, носящих модные платья)...

В романе «Накануне» упоминается диван «Самосон»: *Увар Иванович почивал... на широком и удобном диване, получившем прозвище «Самосон»*. Это сложное существительное восходит к домашней речи в семье Тургеневых: так называли любимый диван писателя в Спасском.

К собственно индивидуально-авторским новообразованиям в произведениях Тургенева примыкают неологизмы XIX в., не ставшие фактом литературного языка, но ярко отражающие изображаемый писателем период. Эти слова, возможно, распространенные в свое время в узкой социальной сфере, опять же вводятся в текст как примета речи персонажа. Так, например, в речи Маркелова в романе «Новь» вызывает интерес образованное усечением существительное *реак* (*реакционер* — *реак*), которое показывает, что усечение, которое традиционно рассматривается как способ, сформировавшийся в XX в. [Земская: 1975], в качестве средства компрессивного словообразования уже использовалось в XIX в.:

С людьми высшего полета, с *«реаками»*, как он выражался, он был крут и даже груб.

В тексты произведений Тургенева последовательно включаются слова, ставшие знаками определенных общественных явлений, политических течений: *нигилист*, *нигилизм*, *опроститься* и др., например:

— Как вы сказали, Татьяна? *Опрóститься?*

— Да... такое у нас теперь слово пошло. С простым народом, значит, заодно быть. *Отроститься*. («Новь»).

Чуткость Тургенева к «ключевым словам текущего момента» может сочетаться с авторской иронией. Так, в романе «Новь» концентрация их в одном метафорическом контексте явно создает ироническую экспрессию; при этом писатель тонко группирует слова, объединяя их по сходству звучания или по общности форманта, включая в эти ряды и неологизмы; ср:

Как первые снежинки кружатся, быстро сменяясь и пестрея еще в теплом осеннем воздухе, — так в разгоряченной атмосфере голушкинской столовой завертелись, толкая и тесня друг дружку, всяческие слова: прогресс, правительство, литература; податный вопрос, церковный вопрос, женский вопрос, судебный вопрос; классицизм, реализм, нигилизм, коммунизм; интернационал, клерикал, либерал, капитал; администрация, организация, ассоциация и даже кристаллизация! («Новь»).

Избегая окказионализмов, Тургенев регулярно обращается к потенциальным словам-эпитетам. Как и у его современников: А.И. Герцена, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, — это преимущественно имена прилагательные и качественные наречия, образованные сложением или сращением. Такие эпитеты используются обычно в авторской речи, например:

Приторно-лукавая улыбка растягивала ее ввалившиеся губы («Ася»);

Гамлет не хохочет *демонско-безучастным* хохотом Мефистофеля... («Гамлет и Дон Кихот»);

Он [буйвол] косо повел белками *бессмысленно-злых* глаз («Призраки»);

Она [Ася] так *детски-простодушно* смотрела на меня («Ася»);

Днем сосны синеватые бывают, а какие они *великолепно-зеленые* вечером («Накануне»);

Она [Мария Дмитриевна] крестилась *изнеженно-небрежно*, по-барски... («Дворянское гнездо»).

Таким образом, для новообразований Тургенева характерна дифференциация, определяемая типом нарратива: потенциальные эпитеты представлены в речи нарратора, другие типы новообразований — в речи персонажей.

Среди сложных эпитетов преобладают прилагательные, обозначающие различные оттенки цвета, а также психологические эпитеты, характеризующие внутреннее

состояние человека, его голос, улыбку, выражение лица. Ср., например:

...Вошел человек лет пятидесяти, в мундирном фраке, коренастый, плотный, с *молочно-белесоватыми* глазами на *избура-красном* лице... («Несчастливая»);

На лице моего слуги играла особенная, *сдержанно-насмешливая* улыбочка («Странная история»);

Лицо у Житкова было длинное, лошадиное; оно все обросло *пыльно-белокурыми* волосами... («Степной король Лир»);

И голос у него оказался такой, какого следовало ожидать: густой и *самоуверенно-сочный*... («Вешние воды»);

Мы словно перенеслись в сказочное царство, в царство *бело-золотистой* мглы... («Стук... стук... стук!..»).

«Разнообразие и богатство эпитетов в стиле И.С. Тургенева сочетается с целой системой своеобразных усилителей, добавочных эмоциональных обертонов, несущих значительную художественную нагрузку» [Алиомарова 2010: 20]. Редко используя индивидуально-авторские новообразования, Тургенев часто обращается к такому экспрессивному словообразовательному средству, как морфемный повтор. В произведениях писателя преимущественно используется контактный повтор морфем в двух соседних словах, однако встречаются и ряды из трех-четырех слов, объединенных повтором одной морфемы, чаще аффикса или аффиксоида; ср.:

Катя... не отказывала ни ему, ни себе в невинном удовольствии *полустыдливой, полудоверчивой* дружбы («Отцы и дети»);

...Лишь изредка, из-под личины *мнимомо-гражданского* негодования, *мнимомо-презрительного* равнодушия плаксивым писком пищала боязнь возможных убытков... («Дым»);

Таких *беззубеньких, кисленьких, дряхленьких, дрябленьких* звуков Нежданов не слыхивал отроду... («Новь»).

Особенно часто используется повтор оценочных суффиксов:

Он [Нежданов] видел перед собой господина наружности почтенной и немного туповатой, *лобастого, глазастого, зубастого, бородатого*... («Дым»);

На пороге показалась *кругленькая, низенькая* старушка в белом чепце... («Отцы и дети»).

Такой повтор преимущественно характерен для описания персонажей.

Источником экспрессии в прозе Тургенева в этом случае регулярно служит и использование не повторяющихся в контексте аффиксов, выражающих различные виды субъективной оценки. Ср., например:

Арина Власьевна была настоящая русская *дворяночка* прежнего времени («Отцы и дети»);

Вижу: человек в синей свитке с заплатами и в рваном картузе, так... *мещаниншко* по наружности, стоит ко мне спиной... («Собака»);

Сидит на креслах *маленькая желтенькая старушонка* и глазами моргает («Петр Петрович Каратаев»).

Для усиления экспрессии привлекаются и диалектизмы с оценочными суффиксами:

...Я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые *«гляделки»* («Певцы»).

Однако чаще оценочные дериваты в текстах писателя объединены именно повторяющимися в контексте аффиксами.

Морфемный повтор в прозе Тургенева нередко связан с приемом обнажения деривационных связей слова: в одном контексте употребляются мотивирующее и производное слова. В результате выявляются направление мотивации и внутренняя форма деривата, например:

Уже совсем *«вызвездило»*, когда он (Санин) вышел на крыльцо. И сколько же их высыпало этих *звезд...* («Вешние воды»);

Пока мы таким образом беседовали с Пуниным, осторожно выступая по... тротуарам *«белокаменной»* Москвы, той самой Москвы, в которой нет ни одного *камня* и которая вовсе не *бела*, — Муза тихонько шла с нами... («Пунин и Бабурин»).

Морфемный повтор в прозе Тургенева характерен преимущественно для ряда однородных определений, для сказуемых в однородных предикативных частях сложного предложения (как правило, это глаголы с префиксом *за-*). Однако в ряде случаев повтор охватывает глагол (или прилагательное) и его синтаксический дериват, например:

Тайный внутренний червь продолжал точить и *грызть* Нежданова, но чем эта *грызть* была сильней, тем громче и бесповоротнее говорил он («Новь»);

...Сторона роши, обращенная стеною в поле, вся... *сверкала* мелким *сверканьем...* («Свидание»).

Отличительной особенностью идиостиля Тургенева является интенсивное использование двухкомпонентных построений с повторяющимися префиксом *полу-* со значением неполноты признака. Преимущественно это имена прилагательные, однако встречаются также существительные и наречия; ср.:

Они стояли неподвижно... и с молчаливым, *полуизумленным, полурадостным* волнением глядели оба прямо перед собою («Новь»);

Это был стройный мальчик... с постоянной *полувеселой, полурассеянной* улыбкой («Бежин луг»);

Полудержко, полувесело шурились темные глаза... («Ася»);

А потом первые робкие посещения, *полуслова, полуулыбки*, и недоумение, и грусть, и порывы... («Отцы и дети»);

...Это скачет молодой женский кентавр, *полузверь* и *полубог...* («Вешние воды»).

Обращение к сочетаниям слов с повторяющимся компонентом *полу-* позволяет отказаться от жестких дефиниций, изобразить пограничные состояния, показать взаимосвязь внешне противоречивых признаков, создать эстетический эффект недоопределенности, актуализировать «мерцающие» смыслы объединяемых в контексте лексических единиц.

Повтор в прозе Тургенева не столько средство связи фрагментов текста, сколько средство художественной выразительности.

Контактный повтор тождественных или синонимичных морфем служит способом развития одной из микротем текста и актуализации связанных с ней семантических признаков. Например, в романе «Новь» своеобразное «путешествие в XVIII век» и описание Фимушки и Фомушки Субочевых строятся на концентрации в контексте существительных-димиутивов разных словообразовательных типов и прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами; ср.:

...Пудра, *фижмы*, XVIII век! Хозяева... представка: муж и жена, оба *старенькие-престаренькие...*; *кругленькие, пухленькие, опрятенькие*, настоящие *попугайчики-переклитки...*;

И были в нем [в доме Субочевых] всевозможные *сенцы*, и *горенки*, и светлицы, и *хороминки*, и *рундучки* с *перильцами*, и голубцы на точечных *столбиках*, и всякие задние *переходцы* и каморки... А в саду — что *клетушек, кунок, амбарчиков, погребков, ледничков...* — как есть гнездо!

Кроме того, ряды существительных или прилагательных, объединенных морфемным повтором, определяют ритм тургеневской прозы — «ритм с легким и быстрым нарастанием ударности в градации эпитетов... с рассеянной, растерянной концовкой» [Чичерин 1977: 219].

Ритмизации текста и гармонизации его структуры способствует также внутренняя рифма, которая возникает в словах, связанных контактными морфемным повтором, например:

Все в доме *притихло* и *приникло* («Накануне»);
Промелькнул опять *флейтист*, *прогремел*
опять *пианист* («Клара Милич»);
Бледно-серое небо *светлело*, *холодело*, *синело*
 («Бежин луг»).

Дистантный морфемный повтор, выступающий в усилительно-выделительной функции, служит средством развертывания или акцентирования художественного образа. Так, в повести «Вешние воды» соотносится эпитет *змеевидные* (косы) и метафорический предикат *змеиться*: *На губах змеилась торжество*. Их корреляция определяет оценочную характеристику Марии Николаевны Полозовой и создает образ «змеи», который в свою очередь взаимодействует в тексте с образом ястреба: *У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза*.

В романе «Новь», в сцене самоубийства Нежданова, повторяются лексемы с корнем *крив-* (*кривой*, *искривлено*). Актуализируемый в результате семантической компонент ассоциативно соотносится с самооценкой героя и одним из ключевых в тексте мотивом «вывихнутости»; ср. признание Нежданова и оценку им Марианны:

Я был рожден *вывихнутым*... хотел себя выправить, да еще хуже себя вывихнул;

Очень она нервическое существо; это тоже по моей части. И *вывихнута* (выделено Тургеньевым. — *Н.Н.*) она так же, как я...

Таким образом, морфемный повтор в произведениях Тургенева последовательно характеризует отдельный образ, тему или мотив текста. Он может выполнять текстообразующую и интегративную функции. Так, например, цикл «Стихотворения в прозе» («*Senilia*») объединен корневым повтором слов, относящихся к семантическому полю «Смерть».

Итак, для идиостиля Тургенева характерно интенсивное использование экспрессивных словообразовательных средств: оценочных новообразований разных словообразовательных типов, контактного и дистантного морфемного повтора, диминутивов, сложений с компонентом *полу-*, потенциальных сложных эпитетов. Эти средства участвуют в развертывании мотивов текста и создании художественных образов, значимых для реализации идейно-эстетического содержания произведения, а также способствуют ритмизации текста.

ЛИТЕРАТУРА

Алиомарова Д.М. Языковая картина мира в прозе И.С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2010.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. — М., 1973.

Топоров В.Н. Странный Тургенев. — М., 1998.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — М., 1978–2014.

Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. — М., 1977.

REFERENCES

Aliomarova D.M. Yazykovaya kartina mira v proze I.S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Mahachkala, 2010.

Zemskaya E.A. Sovremennyyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie, Moscow, 1973.

Toporov V.N. Strannyi Turgenev, Moscow, 1998.

Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t., Moscow, 1978–2014.

Chicherin A.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilia, Moscow, 1977.